

Импровизация – дело тонкое

ГАСТРОЛИ

Известнейший джазовый музыкант – трубач, флюгельгорнист Игорь Широков в канун своего дня рождения (24 апреля Игорю Анатольевичу исполнилось 57) дал единственный концерт в городском джазовом центре.

Узнав о приезде такого музыканта, я ожидала столпотворения у дверей городского джаз-клуба и уже приготовилась отбиваться от жаждущих прощиваться на концерт, дескать, «лишнего билета у меня нет», но, увы...

Послушать легенду отечественного джаза (впрочем, с полным основанием можно расширить географию известности Игоря Широкова с отечественной до мировой, поскольку с 50-х годов музыкант живет и работает в Германии) пришли лишь давсегдатаи джазовых концертов. Жаль, ибо неизвестно, когда в следующий раз трубач такого уровня сможет включить провинциальный город в свой концертный тур. Сейчас, к примеру, Игорь вырвался в Россию всего на пару недель.

В Ярославле Игорь Широков выступал с трио Андрея Мартыненко «STANDARDS III» – Мартыненко (рояль), Саша Могилевич (барабаны) и Дмитрий Толочков (контрабас). Последний, если бы был точным, представлял Москву.

Игорь Широков родом из Новосибирска – города, славного богатейшими музыкальными, в частности джазовыми, традициями: во время войны и в первые послевоенные годы здесь волею обстоятельств были собраны «сливки» культурной элиты страны. Мама музыканта была певицей, дед – дирижером, так что, сколько себя Игорь Анатольевич помнит, музыка в доме звучала всегда: «Мы часто музицировали вместе: я играл на трубе, мама – на гитаре и две девочки – соседки по дому (они учились в консерватории) – на скрипках... Я знал наизусть все песни популярного в те годы Робертино Фретти».



Фото Вячеслава ЮРАСОВА

Играть или не играть – этот вопрос никогда не стоял перед будущим известным трубачом, музыка для него была сродни дыханию – естественна и жизненно необходима. Впервые взяв инструмент в руки в девятилетнем возрасте, Игорь спустя всего четыре года занятий получил приглашение играть в одном из многочисленных биг-бендов города. В 14 лет Игорь Широков уже возглавлял квинтет, с которым успешно дебютировал на местном, новосибирском фестивале.

После выступления на международном фестивале в Таллине (1967 год) молодого трубача заметили, началось его сотрудничество с самыми известными оркестрами страны: с тульским биг-бендом Анатолия Кролла, с «ВИО-66» Юрия Саульского, с ленинградским оркестром Иосифа Вайнштейна, Государственным эстрадно-симфоническим оркестром Азербайджана, с оркестром Олега Лундстрема.

– Я даже две недели играл в оркестре Леонида Утесова... Посчастливилось.

– Перечисленные вами ле-

гендарные имена свидетельствуют о том, что вы были востребованы на Родине как музыкант. И тем не менее уехали из страны. Почему?

– Да я никогда не думал об отъезде. У меня все прекрасно складывалось и здесь. Занимался музыкой, разрабатывал собственную методику игры, ездил по фестивалям с Александром Пищиковым (который, к слову, сейчас тоже живет в Германии, в Берлине)... В 1991 году Майнугины пригласили меня в Ярославль для участия в фестивале «Джаз над Волгой». Я познакомился с молодой девушкой, которую заинтересовала моя методика игры...

Молодой девушкой была Клаудиа Хельмерс, малоизвестная нашим любителям джаза флейтистка и саксофонистка. Она из тех музыкантов, которые, пребывая вне круга хэдлайнеров и звезд, обладают огромным творческим потенциалом. Но не всем везет. Клаудиа сыграла важнейшую роль в перемене судьбы замечательного трубача Игоря Широкова. После тура по России в 1992 году они вместе уеха-

ли в Германию. У них состоялась не только счастливая семья, они создали великолепную музыку, именно в Европе проявившую настоящие русские корни. Они выступали на европейских фестивалях, делали записи. У Клаудии были собственные, весьма значимые проекты. В последние годы она тяжело болела. Рак не давал возможности играть, но она боролась, лечилась, и, казалось, болезнь отступила... Четыре года назад ее не стало. Ей было всего 36.

У Игоря и Клаудии два сына – семи и тринадцати лет. Оба мальчика занимаются музыкой.

– Они пошли по вашим стопам?

– Нет, «подули» какое-то время, и интерес пропал. Старший сейчас с удовольствием играет на рояле.

– В плане воспитания вы – не диктатор?

– Боже упаси, зачем? Каждый человек – личность, и он сам вправе выбирать, что ему ближе.

– Вы легко вписались в музыкальную среду Запада?

– Я приехал туда с любимой ученицей и женой, поэтому мыс-

лей о том, впишусь или нет, у меня просто не было.

– Но сейчас, концертируя и здесь, и на Западе, вы можете сказать, есть ли разница?

– Безусловно. Там урван колебания страстей минимальный, все очень тихо, гладко, спокойно. Здесь же амплитуда буквально космическая.

– Что вам ближе?

– Вы смеетесь? У меня мама сибирячка, отец – донской казак. Но там у меня дом, дети, ученики. Все сложилось так, как сложилось. Здесь очень искренняя публика, и на концерты приходят те люди, которым по-настоящему интересен и дорог джаз. Там как таковых джазовых клубов нет, есть живая музыка в ресторанах. Звучат в основном стандарты. Люди едят, музыканты играют. Все достаточно обезличено. Мне такой джаз неинтересен.

– А какая музыка вас интересует?

– Джаз – это в первую очередь энергетика мысли. Важно то, что ты хочешь сказать слушателю своей музыкой. «Вначале было слово...» А в слове заключено все – и энергетика, и ритм, и мысль. Исполнительское искусство и импровизация – это совершенно разные понятия. И я склоняюсь к последнему.

– На концерте в городском джазовом центре звучала авторская музыка Игоря Широкова. На вопрос, к какому направлению ее относит сам музыкант, трубач ответил: «Признаться честно, я не знаю. Джазмены утверждают, что это авангард, авангардисты склонны считать мою музыку джазом. И потом, разве дело в определении?» Конечно, нет. Но, как это ни покажется странным, в прозвучавшем проекте лично мне не хватило... именно Игоря Широкова. Его поведение на сцене было сродни медитативному трансу: озвучив несколькими фразами идею, он точно самоустранялся, предоставляя молодым коллегам простор для импровизации. И хотя сам формат джаза предполагает возможность вмешательства в чужую партию, Игорь Широков тактично и выдержанно выслушивал все, что хотели «сказать» ярославские участники проекта. Импровизация – дело тонкое.

Лариса ДРАЧ